

Воспоминаніе крестьянина объ А. О. Гильфердингѣ.

Помѣщая воспоминаніе объ А. О. Гильфердингѣ, принадлежащее перу крестьянина, считаемъ нужнымъ замѣтить, что нами поправлены только знаки препинанія, кое-гдѣ ъ и указаны для набора красныя строки; особенности же Олонецкаго произношенія отмѣчены разрядкой. Для характеристики писавшаго, приводимъ маленькое извѣстіе, имъ же составленное. Вотъ оно:

«Господи благослови! Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Кижской волости, Яндомо-Космозерскаго мірскаго общества, деревни Космозерскаго Погоста, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, родился въ 1825 году, декабря 4-го дня. Отецъ мой, Аника Устиновъ, мастерство имѣлъ плотника и землешца, который скончался въ 1864 году, 83-хъ лѣтъ; матушка моя Мавра Назарова, скончалася въ 1865 году, 80-ти лѣтъ. До 1860 года были въ расколѣ по Даниловской сектѣ. Я, Касьяновъ, воспитанъ въ деревнѣ и обучался въ грамоты у крестьянина Егора Иванова Холопова; занимался землешествомъ и частью рыбною ловлею и разными извозамы. Женатъ и имѣю дѣтей. Всѣ мы исповѣданія единовѣрческаго. Обратился въ единовѣріе изъ раскола въ 1860 году съ отцомъ, матерью, замужнею сестрою и съ тѣтенькой Агафьей. Былъ избранъ волостнымъ судьей въ 1865 году, а по избраніи на второе трехлѣтіе, поданъ мною письменный отзывъ объ увольненіи отъ службы, Въ 1871 году, августа 7-го дня, пріѣзжали ко мнѣ миссіонеръ Палеостровскаго монастыря іеромонахъ отецъ Исихій, который основалъ единовѣріе, и священникъ отецъ Іоаннъ Богословскій и прихожане разныхъ деревень, которые объявили указъ Олонецкой духовной консисторіи о избраніи изъ среды себя сборщика, и, по предложенію всѣхъ прихожанъ, на что согласился я, Касьяновъ, для окончательнаго устройства и украшенія бѣдной единовѣрческой церкви въ честь Вознесенія Господня, о которой было отпечатано въ «Петербургской Газетѣ», ноября 14-го числа».

Въ заключеніе замѣтимъ, что печатаніе сборника Былицъ покойнаго Александра Федоровича, которое предполагалось передать профессору О. О. Миллеру («Русск. Ст.» 1872 г., т. VI, стр. 464), по желанію г. Миллера и вдовы покойнаго вновь поступило подъ наблюденіе знатока этнографіи и археологіи П. А. Гильтебрандта.

Ред.

Александръ Федоровичъ Гильфердингъ пріѣхалъ въ Олонецкую губернію, въ городъ Повѣнецъ, съ крестьяниномъ Кижской волости, Васильемъ Яковлевымъ Мореходовымъ¹⁾, гдѣ случился тогда быть крестьянинъ той же волости, деревни Космозерскаго Погоста, Степанъ Парамоновъ Куницынъ, который съ Мореходовымъ очень знакомъ. И узнавъ, что господинъ Гильфердингъ собираетъ былины и рассчитывается щедро, тогда крестьянинъ Куницынъ говоритъ Мореходову:

„И у насъ человѣкъ есть, крестьянинъ Иванъ Аникіевъ Касьяновъ, знаетъ былины, а только онъ сюда не пойдетъ, потому что очень далеко“.

¹⁾ Лодочникъ, возившій по озеру Онегу: онъ, рулевой и 6-ть гребцовъ. К.

А Мореходовъ говоритъ:

„Я довольно знаю Ивана Аникіева, и онъ меня послушаетъ — придти въ Чолмужу, на 18-е число іюля 1871 года“.

И написалъ отъ имени своего записку, что господинъ Гильфердингъ очень добрый и разсчитывается щедро. По приѣздѣ Куницына въ Космозерскую волость, подаетъ записку мнѣ, Касьянову что проситъ господинъ прибыть за 45-ть верстъ въ деревню Чолмужу на 18-е число.

Но хотя время и рабочее и не свободное, но понудило желаніе видѣть такое важное лицо въ самыхъ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ. Это болѣе привело во удивленіе и въ большой смѣхъ, что господа собираютъ былины: говоримъ между собою, что „господамъ должно быть въ Петербургѣ болѣе дѣлать нечего“.

Но какъ прощенный запиской, отправился въ путь, отойдя въ Толвуйскую волость, верстъ за 30-ть, гдѣ было нужно нанять лодку и перевозчика на 15-ть верстъ черезъ озеро Онего. По прибытіи моемъ въ деревню Чолмужу, гдѣ тоже былъ приѣхавши крестьянинъ Мореходовъ, а господина Александра Ѳедоровича Гильфердинга не было, потому что онъ изъ города Повѣнца ѣхалъ сухимъ путемъ черезъ монастырь Даниловъ, — подъ вечеръ, около 8-ми часовъ, черезъ Губу увидали огонь, и поѣхали туда на лодкахъ и встрѣтили его. На другой день, то-есть 19-го числа въ понедѣльникъ по утру явился и размышляю такъ: что наши уѣздные господа становые пристава и разныя служащія лица весьма гордые, и думалъ, какъ явлюсь я въ генералу, беретъ страхъ и ужасъ. Затѣмъ, перекрестивъ глаза, и говорю:

„А что Господи дастъ! если чего и не знаю, да съ мужика, такъ, думается, и не взыщеть“.

И во-первыхъ увидѣлъ служителя при немъ, Ефима Ивановича, который собою очень привѣтливый и скромный, и проситъ меня чаю пить. Но желая я прежде познакомиться со слугою, пью и думаю: „должно быть хорошаго господина слуга: онъ всѣхъ учтиво принимаетъ“. Потомъ камеринеръ предложилъ господину, что Иванъ Аникіевъ пришелъ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ принялъ меня очень ласково. Но я, видя такое важное лицо, стоялъ передъ нимъ съ дрожащимъ сердцемъ. И онъ, господинъ, видитъ во мнѣ перемѣну и говоритъ Ефиму Ивановичу: „налей рюмочку хорошей водки!“ Но отъ которой я отозвался, потому что никогда не пивалъ. Потомъ говоритъ генераль: „А пьете ли чай?“ Я говорю: „Чай я пью“. Тогда господинъ сказалъ: „Ефимъ, подай намъ чаю“. Когда выпилъ я, Касьяновъ, стаканъ чаю, то поосвѣжился духомъ, какъ-будто стало

и посмѣлѣе. Тогда началъ я пѣть былинѹ о Добрынѣ Никитичѣ, а генераль началъ самъ писать, такъ очень скоро и успѣшно, что едва успѣваю я голосомъ пропѣвать. Потомъ о Дюкѣ Степановичѣ другую былинѹ. Потомъ господинъ приказалъ меня хозяевамъ кормить и чаемъ поить. Потомъ пропѣлъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ Московскомъ, объ отданіи города Смоленца.

На другой день мнѣ было очень весело, потому что познакомился съ господиномъ, и видя, что онъ человекъ очень скромный, смиренный и ласковый, и размышляю про себя: „Должно быть господа, что чинъ выше, то и добрѣе, не какъ наши уѣздные господа; придешь, за какимъ-либо случится дѣломъ, то онъ наскочетъ, какъ звѣрь на рога-тину, не взирая ни на какія твои справедливости“.

Потомъ я пропѣлъ о Михаилѣ Пóтыкѣ сынѣ Ивановичѣ, пятую я пропѣлъ о Настасѣѣ королевичнѣ, шестую я пропѣлъ о пахарѣ Никулѣ Силениновичѣ, седьмую я пропѣлъ о взятіи Казани Грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

А подъ вечеръ пригласилъ онъ меня съ нимъ вмѣстѣ прогуливаться. Тогда стала у хозяевъ домой скотина приходить. Но какъ скотъ пасется безъ пастуха, то когда она пришла къ рѣкѣ Чолмужѣ, то сама пошла въ воду, не взирая ни на какую быстрину, плыветъ сама безъ погонщика, стадомъ. То мы смотрѣли съ большимъ удивленіемъ. И говорилъ Александръ Ѳедоровичъ: „Ну я этого не премину рассказать господамъ по пріѣздѣ въ Петербургъ“.

Еще тутъ же пріѣхалъ въ Чолмужу Толвуйской волости, деревни Загубъ, крестьянинъ Иванъ Кузьминъ, съ былинами другой разъ. То Александръ Ѳедоровичъ спросилъ:

— „А ты, старичокъ, чего пріѣхалъ?“

А старикъ говоритъ:

— „Батюшка, я былинѹ вспомнилъ“.

— „Ну, спой же, старичокъ“.

Тогда началъ онъ пѣть о Чурилушкѣ Пленковичѣ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ далъ ему 3 руб. за одну былинѹ. А у меня еще ничего не получено и думаю: „что мнѣ Богъ дастъ“. Болѣе въ Чолмужѣ никого не сыскалося.

А тутъ бояре приходили свою грамоту показывать (которая дана, за сбереженіе царицы Марѣѣ Іоанновны, Михаиломъ Ѳедоровичемъ попу Ермолаю) на квартирѣ, гдѣ квартировалъ Александръ Ѳедоровичъ, у крестьянина Петра Иванова Сурина. И рассказывали генералу, что значитъ пядина лѣсу и сколько занимаетъ мѣста.

— „Это, говорятъ бояре, надоть растолковать!“

Тогда господинъ говоритъ:

— „Это намъ ваша грамота была извѣстная, а вы ю храните у себя, какъ зѣницу ока. Прощайте!“

На третій уже день, то-есть 20-го числа іюня, освободились отъ всѣхъ занятій. А вѣтеръ былъ очень сильный, что было нельзя по Онегу ѣхать ни господину, ни мнѣ. То мы всѣ провожали время вмѣстѣ, а Ефимъ Ивановичъ настрѣлялъ утокъ. Тогда Александръ Ѳедоровичъ говоритъ камергнеру:

— „Ефимъ, подай сюда Ивану Аникіевичу чаю со мною вмѣстѣ, пуцай пьеть!“

А я ему говорю:

— „Позвольте мнѣ къ самовару поближе, тамъ мнѣ повыгоднѣе будетъ: здѣсь стаканъ—два, а три—и то много, а тамъ и пятокъ—такъ ничего“.

Онъ разсмѣялся, говоритъ:

— „Ну, впрочемъ, гдѣ вамъ угодно“, и далъ мнѣ денегъ 13 рублей. Тогда я очень обрадовался такой неожиданной наживѣ. Иду на квартиру, погляжу и думаю: „Слава Богу! Господь послалъ какого благотворителя!“

Но какъ уже къ вечеру вѣтеръ подтихъ, то они стали собираться въ путь, готовиться къ поѣзду на Пудожскую гору, Пудожскаго уѣзда. Тогда я пособилъ носиться въ лодку и проводилъ глазами, покуда было можно видѣть.

Послѣ этого по осени пріѣхалъ я въ Петербургъ по сбору на церковь, и у меня пришло большое желаніе увидѣть своего благотворителя. И думаю я, что такой ли будетъ здѣсь весьма добрый, какъ былъ въ нашихъ мѣстахъ, или не припуститъ и на глаза. Но однако, что Богъ ни дастъ, а попробую сходить. Показалъ городской квартиру, и я постучалъ въ колокольчикъ. Вдругъ выбѣгаетъ знакомый слуга Ефимъ Ивановичъ. И я ему рассказался. Тогда онъ взялъ меня къ себѣ, потомъ предложилъ обо мнѣ Александру Ѳедоровичу. Тогда господинъ приказалъ мнѣ зайти къ себѣ въ покои, гдѣ сидѣла у него законная супруга Варвара Францовна, и такъ ласково и милостиво посадилъ подлѣ себя. А генеральша наливала сама намъ чай и съ закускою. Но и опять я удивился, что генеральша сама наливаетъ чай простому мужику. Сижу и про себя думаю: „это должно быть вторая Сарра; имѣла 300 рабынь, а сама мѣсила тѣсто и кормила рабочихъ¹⁾“. Но тутъ же мнѣ сказалъ Александръ Ѳедоровичъ:

¹⁾ Надо замѣтить, что крестьянинъ Касьяновъ, какъ бывший старовѣръ,—человѣкъ весьма грамотный и большой начѣтчикъ въ церковныхъ книгахъ.

„я предложу Географическому Обществу, можетъ мы васъ попросимъ въ собраніе“. Но когда я былъ потребованъ, то, по приходѣ моемъ, вышелъ Александръ Ѳедоровичъ, взялъ меня подъ руку и посадилъ на стулъ, гдѣ сидѣло большое собраніе господъ. Тогда я подумалъ: „гдѣ Господь привелъ быть и сидѣть между учеными людьми, просвѣтителями и разъяснителями народу, и всѣ учтиво принимаютъ“. И тутъ я пропѣлъ три былины о пахарѣ Никулѣ Силениновичѣ и объ Алексѣѣ Михайловичѣ, о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о взятіи Казани, а болѣе—время было поздно. И послѣ этого былъ награжденъ деньгами, и всѣ очень ласково приняла. А сердце мое наиболѣе возрадовалось потому, что нашелъ въ ученыхъ людяхъ кротость и смиреніе, по писанному: „блаженни кротціи, яко тѣи наслѣдять землю“.

Крестьянинъ Касьяновъ.

Генеалогическое разъясненіе.

Редакція „Русской Старины“ получила отъ А. Л. Потапова слѣдующее письмо:

„По поводу напечатаннаго въ девятомъ номерѣ уважаемаго изданія вашего „Русской Старины“ сообщеннаго мною вамъ письма св. Димитрія Ростовскаго къ прадеду моему, по матери, Михаилу Григорьевичу Грохольскому, въ 10 № „Русскаго Архива“ появилась замѣтка, подъ названіемъ „Генеалогическое недоумѣніе“. Въ этой замѣткѣ говорится, что родительница моя, сколько извѣстно по родословной книгѣ (т. I, стр. 157) была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ.

Считаю нужнымъ разъяснить, что упоминаемая въ этой замѣткѣ княжна Татьяна Васильевна Шаховская была моя родная бабка, т. е. родная мать родительницы.

Она была въ замужествѣ только одинъ разъ за Петромъ Михайловичемъ Грохольскимъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, бывшимъ съ 27 января 1799 года волынскимъ вице-губернаторомъ. Въ имѣющейся въ моемъ семейномъ архивѣ копіи съ послужнаго списка П. М. Грохольскаго пояснено, что онъ женатъ на княжнѣ Татьянѣ Шаховской и имѣеть, между прочимъ, дочь Александру въ замужествѣ за генераль-маіоромъ Львомъ Потаповымъ. Точно также и въ російской родословной книгѣ (ч. I, стр. 175, № 264) показано: княжна Татьяна Васильевна Шаховская за Петромъ Грохольскимъ. Этотъ П. М. Грохольскій былъ сынъ Михаила Григорьевича, къ которому